

ЧАРОВНИЦА

РОМАНЫ Е. АРСЕНЬЕВОЙ

РУССКАЯ ЛИЛИЯ

ЛЮБОВЬ И ДОЛГ АЛЕКСАНДРА III

ЗВЕЗДА МОЯ ЕДИНСТВЕННАЯ

РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ МАТИЛЬДЫ КШЕСИНСКОЙ

ГАРЕМ ИВАНА ГРОЗНОГО

КОРОНОВАННАЯ РАСПУТНИЦА

ГРЕШНАЯ НЕВЕСТА ПЕТРА

ЦЕНА ЛЮБВИ – РОССИЙСКАЯ КОРОНА

ВЕНЕЦИАНСКАЯ БЛУДНИЦА

РОКОВАЯ ЛЮБОВЬ НЕМЕЦКОЙ ПРИНЦЕССЫ

ПОСЛЕДНИЙ ДАР ЛЮБВИ

ЕЩЕ ОДНА ИЗ ДОМА РОМАНОВЫХ

СТРАСТНАЯ-ОПАСНАЯ

ЗЛАТОВЛАСАЯ АМАЗОНКА

РУССКАЯ ЛЮБОВЬ ДЮМА

Е Л Е Н А А Р С Е Н Ь Е В А

ЛЮБИМАЯ
НАЛОЖНИЦА
ХАНА

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
А 85

Оформление серии *П. Петрова*

Арсеньева Е.
А 85 Любимая наложница хана / Елена Арсеньева. — М. : Эксмо, 2014. — 384 с. — (Чаровница. Романы Е. Арсеньевой).

ISBN 978-5-699-68728-2

Ради любви Лизонька соглашается на тайное венчание с синеоким красавцем-князем Алексеем Измайловым. И тут молодым открывается семейная тайна: они брат и сестра, счастье меж ними невозможно. Спасаясь от родового проклятия, Елизавета бежит куда глаза глядят. Судьба не жалеет для нее опасных приключений и вскоре бросает беглянку в гарем крымского хана Гирея. Восточный владыка пленен прекрасной наложницей столь сильно, что рядом с ней забывает обо всем. Он осыпает ее милостями, но Лиза несчастна. Одолеет ли она превратности злой судьбины и встретится ли когда-нибудь с Алексеем, забыть которого девушка никак не может?..

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-68728-2

© Арсеньева Е., 2010
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ТАЙНОЕ ВЕНЧАНИЕ

Глава 1

ВЕНЧАНИЕ

— *В*енчается раб Божий Алексей рабе Божией Елизавете...

Голос священника чуть слышен, а лица вовсе не видать. Колышется неясная тень, торопливо творя обряд.

Тьма сгустилась в углах храма, куда Алексей старается не глядеть, чтобы не встретить укоряющие взоры угодников. Слабые отсветы венчальных свечей трепещут на пронзенных ладонях Спасителя; руки Христовы, прибитые к кресту, чудится, дрожат от боли, и князь холодеет от затылка до пят.

— Венчается раба Божия Елизавета рабу Божию Алексею...

Батюшка прибавил голосу, и бас его слился с грозным гулом ветра. Алексей вспомнил: когда они с Николкой Бутурлиным торопливо пробирались по залитой жидкой грязью Ильинке, церковные колокола единогласно возвещали окончание вечерни. Звонили у Михаила Архангела в кремле — тяжело, грузно, у Петра и Павла под Откосом — надрывно, у Николы на Торгу — всполошенно, у Жен-Мироносиц над Почаин-

ским оврагом — залиvisto; доносился перебор с колокольни Строгановского величаво-нарядного храма — на все голоса. Слышалось Алексею, будто кто-то приказывал: «Стой! Стой! Стой!» И если б не вышагивал рядом возбужденный, задыхающийся Николка, может, и приостановился бы Алексей, может, одумался, не явился в молчаливую, словно тайная западня, церковь на Ильиной горе, где ждала его невеста...

Впрочем, увидевши в темном уголке согбенную фигуру в черном салопчике, Алексей приободрился, позабыл свое смутное беспокойство, даже сунулся поцеловать, но не тут-то было: девушка, словно стыдясь чужих, отшатнулась, отвернула укрытое флером¹ лицо.

— Виновен, запоздал! — покаянно зашептал Алексей. И это было все, что он успел молвить, ибо Николка нетерпеливо звякнул шпорой, а батюшка, прогудев: «Чада, не мешкайте!» — грузно двинулся к аналою. Николка повел невесту, жених пошел следом, и тайный обряд, развязка скороспелого Алексеева романа, начался.

— Остави отца и мать своих и прилепись...

Алексей ощутил, что рука Лисоньки совсем застыла. Он стиснул ледяные пальцы так, что девичий перстенок впился в кожу, но князь крепче и крепче сжимал безвольную руку, словно пытаясь найти в ней опору и развеять свои внезапные сомнения.

Да что это вдруг содеялось! Что с ним? Где былая страсть, где щемящая нежность? Ведь лишь

¹ Шелковая, очень тонкая, прозрачная ткань.

вчера слова его медоточивые рекой лились, а ныне горло иссохло от невысказанных смутных предчувствий. Отчего ж тайна, и тьма, и близость счастья не радуют, не задорят, а лишь пугают, шемят сердце?

За стенами взвился из-под обрыва клуб ветра и, объяв махонькую церковку, сотряс ее до основания. Погода поднялась жестокая, немилостивая, и Алексей, вспомнив, как безоблачно сей день начинался, снова ощутил неладное и слегка колыхнул свечкой, попытавшись сотворить крестное знамение.

Ишь, спохватился! А разве не знал, что тайное венчание — грех?! Где ж вы прежде были, разум-друг и совесть-матушка? Отчего раньше не осенили молодую, удалую, излишне пылкую головушку? Поздно теперь, поздно! Уже чуть-чуть приподняла невеста фату, открыв поцелую жениха дрожащие, холодные губы, уже произнесены последние, роковые слова, надеты венчальные кольца, и вот об руку с женой князь Алексей идет, не чуя ног, к дверям, за которыми ночь и тишина, а внизу, под крутояром, колышется лодка, и...

Алексей и его венчанная жена были уже у самых дверей, когда вдруг кто-то с такою яростью заколотил снаружи в двери церкви, что зажатые засовом створки заходили ходуном.

— Господи Иисусе! — выдохнул, крестясь, батюшка. — Ктой-то? Стража? Вовлекли вы меня, злобесники!..

— А, черт! — заскрежетал зубами Николка, выхватывая шпагу и загоразивая собою молодых. — Измена?

— Отворите-е! — глухо, отчаянно раздалось за дверью, и она снова затряслась под градом ударов. — Отворите же, ради Господа Бога!

Алексей не поверил ушам. Этот ужасный голос... чудится, что ли? Да ведь то Неонила Федоровны голос. Тетушки Лисонькиной!

Зачем она здесь? Сговорено же все, обдуманно! Она как бы не знает, не ведает ничего о бегстве племянницы, ну а через недельку-другую Алексей с Лисонькой напишут ей уже из Москвы, а потом и в ножки кинутся, выпрашивая прощения и благословения... Сговорено-то сговорено, однако в голосе, который рвется из-за двери, такое неистовство, словно не ею же придуманное венчание вершится здесь, а самое малое — тайное душегубство!

— погоди, Николка, — тихо сказал Алексей. — Спрячь-ка шпагу. Свои. Там тетушка. Надо отворить.

Он шагнул было к выходу, как вдруг Лисонька так стиснула его локоть, что он ахнул, удивившись, сколько силы таится в тоненьких пальчиках. Алексей оглянулся и даже в полутьме, даже сквозь густую фату различил огонь испуганного взгляда.

— Нет, не надо! — прошелестела Лисонька. — Не надо!

— Полно, милая, — молвил Алексей, и прежняя нежность внезапно прихлынула к его сердцу. — Теперь бояться нечего. Я с тобою!

Тем временем Николка поднял скрипучий заков...

Она перевела дыхание, и ярость вдруг сошла, слиняла с ее лица, будто Неонила Федоровна со-

рвала с себя привычную личину, а под ней оказалась другая, вовсе непохожая на первую. И Алексей, глядя на ее торжествующую, злобную усмешку, понял: вот сейчас откроется некая истина. И она будет ужасна.

— Знаешь ли, кто муж твой? — проговорила Неонила, высокомерно глядя на замершую девушку. — Знаешь ли, с кем повенчана богопротивно и мерзко? — Помолчала, словно наслаждаясь созерцанием четырех застывших фигур, испуганных лиц, и выплюнула: — Венчалась ты с братом единокровным!

Общий вопль вырвался из четырех глоток, и, словно молнией пораженные, умолкли и молодые, и дружка, и поп. Неонила Федоровна приблизилась к Алексею. На лице ее играли темные тени, и вся она казалась подобием исчадия ада.

— Тебе, князенька, поди, невдомек, что Марья-то Павловна, покойница, вовсе не маменька твоя. Небось не помнишь, что в хоромы барские ты взят был из холопской избы. И родила тебя та самая Пелагея, кою кормилицею и нянькою твою называли. Ты, князюшка, выблядок, байстрюк, незаконнорожденный, а крови твои дворянские мутной водицею разбавлены!

Замолчала, с глумливою улыбкою глядя на Алексея, который был бы поражен, наверное, менее, если бы Неонила Федоровна сообщила, что он — делатель воровских денег или атаман понизовской вольницы¹. Только и смог, что пролепетать, хватаясь за последнюю соломинку:

¹ Воровские деньги — фальшивые; понизовская вольница — волжские разбойники.

— Но у меня нет сестры...

— Есть, князьенка! — злорадно осклабилась в полутьме Неонила Федоровна, напоминавшая горгону Медузу с этими полуседыми прядями, вздыбленными сквозняком. — Есть! Запомятовал? Хотя ты еще малой был, годов пяти, не более... Тебя-то со скотницей Палашкой почему в покои взяли? Потому что цыгане твою сестру-младенца со двора снесли. Нянька проспала, цыгане подкрались — вот и сгнуло дитя. словно сквозь землю провалилось. Никто ее в живых не чаял больше видеть, заупокойные службы служили по рабе Божией Елизавете!

Что-то такое слышал Алексей... смутно припоминалось, или это сейчас казалось ему, будто слышал? Какие-то слухи о батюшкиной болезни, о тайной, смертельной тоске, которая и свела в могилу княгиню Марью Павловну...

— Дитя не нашли, — вновь раздался голос Неонила Федоровны. — Да и как же найти-то? Искали в лесу, у цыган, а девочка была у меня! Батюшке-князю сие небось и в голову не вошло. Где ему! Его память на баб короткая. Много таких, как я, было у него, множество! Пелагеюшка — дура из их числа. Но они все забыли да простили, а я — нет. Я — нет!..

— Наговор это! Ложь гнусная! Не слушай, Алешка! Коли так, пускай она докажет! — возбужденно выкрикнул верный Николка.

Неонила Федоровна так резко оборвала хохот, словно его обрубил.

— Нишкни! — отмахнулась она от Николки троеперстием. — Изыди! И тебе ведь от суда не

уйти, коль не смолкнешь. Ты, гвардейский офицер, соучастник кровосмесительного венчания! А что про доказательства... пускай князь молодую в дом отцов приведет, да отворит покои княгинины, что с самой ее смерти стоят заперты, да рядом с парсуной¹ Марьи Павловны свою жену поставит. Одно лицо, вылитая! Жена твоя, Алексей Михайлович, по отцу и матери чистых кровей Стрешнева-Измайлова. Повезло тебе, как видишь: ты, полукровка, дворянку столбовую взял! Радехонек будет Михайла Иванович сношеньке, возликует, что дочушку нашел родимую!

Алексей оцепенело молчал. Ни мыслей, ни чувств. Холод во всем теле — и ничего более.

Внезапно та, с которой он только что обвенчался, бросилась вперед, обогнув Алексея и Николку.

— Тетенька! За что вы меня так? — возопила она и, заломив руки, пала на колени перед черной пугающей фигурой.

Неонила Федоровна вздрогнула так, что ее даже шатнуло в сторону, потом быстро нагнулась и дрожащей рукой потянула с лица девушки фату. Глаза ее расширились, рот задрожал... Она резко выпрямилась, постояла какое-то мгновение и тяжело рухнула навзничь.

Алексей, священник, Николка, разом выйдя из столбняка, бросились к ней, приподняли. Пламя свечи отразилось в неподвижных, широко раскрытых глазах.

Неонила Федоровна была мертва.

¹ Портретом (*устар.*).

Даже и потом, после, уже поуспокоившись, не мог порядочно вспомнить Алексей бывшее с ними в тот вечер, в ту ночь. Смутно, будто сквозь туман, виделось, как Николка выхватил из кармана горсть монет и сунул их в ладонь попа, а к горлу его уже было приткнуто острие шпаги.

— Пикнешь кому, — прошипел Николка, и Алексей удивился зловещему блеску глаз своего всегда веселого и добродушного друга, — тогда ищи, кто тебя отпевать станет. Понял, батюшко?

Тот лишь заводил глаза, постанывая.

— Скажешь: на молитве, мол, женщине дурно сделалось. Упала — да и дух вон. Ничего ты знать не знаешь, ведать не ведаешь, кто такая да почему. Понял ли?

— По-нял... ей-богу... — наконец прохрипел поп, и Николка, еще разок, для остротки, потрянув его, схватил за руки молодых и вытащил их из церкви.

Тьма на крутояре стояла непроглядная. Лишь когда ветер разрывал облака в клочья и меж ними проглядывал мутный зрак луны, можно было различать дорогу.

Сначала Николка ринулся через дворы к Ильинской, да опамятовался, побежал прямо по траве к обрыву, к крутой лестнице. Ее мокрые от дождя ступени были едва различимы, но все трое, скользя, цепляясь за шаткие перила, спускались со всей возможной поспешностью.

Ноги у Алексея подгибались, он еле шел, предоставив Николке вести их... О, Господи! Невесту

Алексееву? Жену? Сестру? Как теперь называть ее?! Мысли беспорядочные, отрывистые, будто удары кнута, хлестали его разум. И осознание, что злее его судьбы нет и не будет на свете, что так и суждено ему теперь в тоске и страхе жизнь проводить, подкашивало ноги. Вдруг привиделось лицо отца, искаженное гневом при встрече с сыном, который вел жизнь беспутную, праздную и наказан заслуженно.

Алексей содрогнулся, возвращаясь к действительности. Он и не заметил, когда и как миновали Нижний посад с его такими шумными днем торговыми рядами. Сейчас здесь царила тьма, слева гудел, невзирая на ночное время, приречный кабак, притулившийся, будто бесово семя, меж двумя благочестивыми церквями: Троицкой и Рождественской.

— Сейчас, — проговорил Николка. — Сейчас мы, сейчас!

Он отпустил руку Лисоньки и побежал к кабаку, испустив три резких коротких свиста. Девушка пошатнулась, видимо, не в силах стоять самостоятельно, и, чтобы не упасть, привалилась к Алексею. Тот невольно прижал ее к себе, и она, будто только того и ждала, зашлась в слезах.

Алексей глянул ввысь. Тучи неслись мимо, мимо земных страхов и страданий, то открывая небо, то вновь затягивая его непроницаемой черной завесой. Не было дела им, быстро бегущим, до двух несчастных, что стояли на берегу разбушевавшейся Оки.

Прибежал запыхавшийся Николка, волоча какого-то мужичонку в треухе и хилом армячке. Мужичонка что-то невнятно выкрикивал, то вы-

нимал из-за щеки, то вновь прятал туда две монеты — очевидно, данные ему Николкою. С этим мужичком, понял Алексей, и было сговорено еще вчера о перевозе в заречное Канавино, откуда уже лежал дальний, объездной путь на Москву, к отцу... К отцу!

— Прости, барин! — наконец-то членораздельно выговорил мужичок, и только тут заметил Алексей, что тот едва держится на ногах с перепоею. — Что попритчилось-то? Вышел еще засветло к берегу — а лодчонки нет как нет. Лихие люди кругом, разве уследишь? Пустили меня, бедного, по миру. Да и погода, батюшка, погодка суровая. Как пить дать затопит. Лучше бы завтра вам отправиться, а к завтраму я лодку для вас сыщу.

— Будь по-твоему, лапотина черная! — Николка переводил взор с бушующей реки на трясущегося не то от холода, не то со страху мужичка. — Иди уж, допивай свое. Мы переночуем на этом берегу, а утром переправимся.

— В своем ли ты уме?! — вскинулся Алексей, но Николка, сверкнув на него глазами, подтолкнул пьянчужку к кабаку. Подождал, пока за ним захлопнулась дверь, произнес с укоризной:

— Ты что? Да он же выдаст нас, если... сам понимаешь! Надо след замести. Конечно, сейчас же и отправимся, но не в Канавино. Коли поп проговорится, нас там поутру первым делом искать будут. Там или на тракте Московском. Слушайка, у стрелки расшива¹ на якоре стоит: чем свет в

¹ Парусное судно, легкое в ходу, требовавшее немного рабочей силы, отличалось большой скоростью и грузоподъемностью до 25 тысяч пудов.

Казань пойдет. Я третьего дня невзначай разговор на Торгу слышал. Доберемся, попросимся... а уж из Казани вернемся как ни в чем не бывало: ты — в Белокаменную, я — в полк. Так оно верней будет.

— Хорошо. — Алексей благословил Бога за эту верную, непоколебимую дружбу, последнее свое утешение и надежду в горестях и напастях нынешнего дня. — Делай как знаешь. Только на чем плыть-то? Лодку ведь увели?

— Тьфу! Прости господи! — осерчал Николка. — Ты что, белены объелся? Или умом повредился? Да перевозчик, подлая душонка, врал, цену набивал! Очень хотелось дать ему затрещину-другую, чтоб поползал, зубы собирая... Ладно, пусть свои два гроша пропивает. А лодчонка-то его нам свою службу таки сослужит. Я знаю, где он ее держит. Вон там, у самой воды, под сараем.

Лодка была на месте, но до чего же оказалась эта посудина жалкой! Когда Алексей с Лисонькой разместились, а потом, резко оттолкнув лодку от берега, через борт перевалился и Николка, она просела, зачерпнув воды.

— Табань, табань правым! — испуганно вскрикнул Николка, ловко уворачиваясь от волны, едва не затопившей лодчонку возле самого берега.

Гребцы с трудом справлялись с веслами, но воды прибывало.

Николка пошарил под банкой, вытащил деревянный ковшик, сунул его Лисоньке. Поняв без слов, она нагнулась и послушно зацарапала по дну, да неловко, слепо: мокрый флер липнул к лицу.